

(898), что, по-видимому, в глазах автора не приличествовало облику некоторых разрядов святых, например «отцам церкви».

Такие замечания Аввакума свидетельствовали не столько о противоречивости его взглядов, сколько о более глубоком, чем у прочих его единоверцев, отношении к русской иконописи. Поэтому, может быть, в плане как раз нормативных представлений об облике Христа-младенца обнаруживалось неожиданное сближение в целом совершенно различных взглядов Аввакума и Владимирова. Последний писал: «Егда ж есть отроча младо, то како мрачно и темнообразно лицо его тамо писати? Но всячески подobaет быти белу и румяну, паче же и лепу, а не безлепичну...» (57).

Взгляды Аввакума на иконопись в их основе были хорошо поняты его младшими современниками-единоверцами, и последующая старообрядческая литературная традиция подтвердила его суждения. Так, известный выговский писатель Семен Денисов (ум. 1741 г.) толковал проблему иконописной реформы следующим образом: «Иконная написания, еже древле-православная церковь писаше, благообразным и смиренным видением иконы святых: якови сами святии в жизни постницы, воздержницы, все-смиреннии быша, таковы и образы их... написоваше. Никон же со своими предаша образы святых писати не благоговейным видением, дебелы и насыщены, аки в пире некоем утучнены, еже противно есть первообразным святым персонам».⁷⁵

Эти требования уже утратили свойственную взглядам Аввакума обличительно-социальную направленность, но сохранили и пояснили его требование писать на иконах святых такими, какими они были «в жизни». Такого же мнения, по существу, держался и Евфимий, который писал о святых: «И яко в мире сем жиша и от человек видешася, так образы их подobaет писати».⁷⁶

Внешние причины реформы русского иконописания были для Аввакума очевидны, однако историческая перспектива возникновения этой реформы была им существенно искажена. Тонко и точно уловив тайное «латинство» никоновских церковных реформ в целом (при внешне демонстративном «грекофильстве» царя и патриарха),⁷⁷ Аввакум прямо указал на преобладание западноевропейского влияния в новой русской иконописи: «А все то кобель борзой Никон, враг, умыслил, будто живыя (вариант: «з живыя») писать, устрояет все пофряжному, сиречь, понеметцкому» (283).⁷⁸ При этом Аввакум характеризовал непосредственно «латинские» образцы перенимаемых русскими мастерами иконных изображений: «Еще же и распятие господне пишут по латиньски, со креста тело все по длинному древу стаща низу, вврех руками пишут» (898).⁷⁹

Возлагая общую ответственность за все церковные реформы на Никона, Аввакум, несомненно, в вопросах иконописания полемически видоизменил достаточно известные современникам обстоятельства деятельности патриарха. Усилия Никона, много сделавшего для зарождения в России

⁷⁵ Семен Денисов. Виноград российский, л. 7.

⁷⁶ Евфимий. Вопросы и ответы, стр. 19.

⁷⁷ О признаках «латинства» никоновских реформ см.: Е. В. Барсов. Четыре мины братьев Денисовых. — Сборник статей в честь М. К. Любавского. Пгр., 1917, стр. 666—667.

⁷⁸ По мнению Ф. И. Буслаева, русские иконописцы, недостаточно знакомы с западным искусством, не могли «отличить произведений школы немецкой от фламандской или итальянской...» (Ф. И. Буслаев, стр. 429); для Аввакума, очевидно, подобных различий также не существовало.

⁷⁹ Ср. мнение Авраамия: «У новых любителей будут иконы живописи латынская..., а древняя иконы хулити начнут...» (Я. Л. Барсков. Памятники первых лет русского старообрядчества, стр. 160).